ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
СЕРГЕЙ ДЖЕВАГА
КОГДА
ОЖИВАЮТ
ТЕНИ

Сергей Васильевич Джевага

Когда оживают Тени

Серия «В погоне за потерянным солнцем», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64050251
Когда оживают Тени: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2021
ISBN 978-5-9922-3208-0

Аннотация

Сотни лет прошли с тех пор, как орды Люцифера уничтожили мир. Сотни лет остатки человечества, древние народы Туата де Дананн и Фир Болг, живут в подводных городах, скрываясь от голодной Тьмы. Без солнечного света, без ветра, без шума листвы. Любят и ненавидят, рождаются и гибнут, постепенно забывая о том, кто они, откуда явились. История переписывается, а вера меняется, подчиняя умы, созидая новую реальность.

Но порой прошлое вдруг властно напоминает о себе. Пробудившимся Злом, древними книгами, эхом былых свершений. Становятся реальными страшные сказки, а сложные решения обрушиваются на тех, кто их принимать не хочет…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 31
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Сергей Джевага
Когда оживают Тени

Пролог

Северное пограничье Олдуотера
Наши дни

Боль накатывала густыми волнами и вместе с кровью стучалась в виски, обжигая и ослепляя. Мир плавал в багровой мгле, а в ушах стоял неразборчивый гул, шипение.

Бог мой… Я жив?

Беспомощная мысль словно оттянула невидимую пружину, в ответ незамедлительно ударил плотный ком вяжущей дурноты. Но когда волна прошла, восприятие слегка обострилось. Смутный шум разбился на отдельные тона: надсадный и прерывистый вой, жалобный стон металла, чьи-то голоса.

И только шипение осталось неизменным.

Он понял, что лежит в ледяной воде, на лоб капает, зубы ломит от холода, а веки щиплет. Через секунду ощутил соленую горечь во рту, невольно дернулся и застонал от болезненной вспышки, что резанула глаза.

Красноватый свет аварийного фонаря выхватил из мрака тесную каморку с низким металлическим потолком, растя-

нутыми под ним жилами кабелей, труб и шлангов. У стены рядом с приоткрытым люком тускло поблескивали латунью и сталью вентили и кремальеры, бликовали стекла индикаторов, тревожно полыхали лампочки.

Промежуток темноты – и вновь вспышка. Блики на панелях, капли, ползущие вниз по лакированным стенкам. Из-под переплетений патрубков, из погнутых и распухших бронзовых рукавов били ручьи. Вода на полу смахивала на густую багрово-черную жижу. Танцевала, перекатывалась от переборки к переборке и гоняла размокшие карты, схемы, записные книжки, флягу.

– Мы умрем, Лоркан… мы умрем! Зря я тебя послушал. Сидел бы сейчас дома, считал барыши от перепроданного пойла.

Голос, визгливый и тонкий, с нотками паники раздался из проема люка, хотя мгновение назад казался далеким и незначительным.

– Заткнись, Томас! – Низкое гудение, почти рык, перекрыло захлебывающееся бормотание.

– Разве ты не понимаешь?! – будто не заметив угрожающего тона, продолжил причитать паникер. – Мы тонем! Тонем, Вестники тебя пожри! Зачем понадобилось воровать у Влада? Далось нам это древнее корыто! Надо было сразу сдаться. Проклятье!

Неизвестный громко всхлипнул, явно набирая воздуха для новой тирады. Но послышались возня, глухой удар и за-

душенное сипение.

– Напоминаю, никто тебя за ноги не тащил. Сам захотел долю.

– Я… я…

– Отказался б, нашли кого другого. И не наша вина, что охранникам захотелось сделать обход не по графику. Так сложилось. Но шансы есть. Нас потеряли, иначе б давно взяли на абордаж или добили.

– Вода…

– Течь небольшая. Но нужна помощь. Если не способен приносить пользу, ты – бесполезный кусок тухлятины. Перережу глотку и буду прав… Ну?!

– Я… я постараюсь.

– Хорошо. С Крогером что?

– Не знаю. Головой ударился, когда тряхнуло.

Секундное молчание прервал звук очередной оплеухи и яростный рык:

– Наверное?.. И ты не проверил пульс? Не убедился?

– Я испугался, хотел позвать тебя-а… у-у-у… ты мне нос сломал!

– Ублюдок! Тебе шею надо свернуть! Без штурмана мы точно подохнем. Кто курс проложит, а?

Аварийный фонарь загорелся ровно в тот момент, когда из люка, ведущего в хвост лодки, показался крупный мужчина в безрукавке из акульей кожи поверх толстой рубахи, в штанах из прорезиненной ткани. Кровавый свет озарил

щекастое лицо с тяжелыми наплывами надбровий и узким ртом-щелью, массивные плечи и кулачища размером с голову ребенка.

– Крог? – Мужчина прищурился, но отыскал взглядом тело на палубе и, разбрызгивая воду, бросился вперед. Плюхнулся на колени, схватил потерявшего сознание напарника за горло, будто желая задушить, кончики больших пальцев нащупали бьющиеся жилки. – Очнись!

Здоровяк встряхнул штурмана, как куклу. Контуженый издал тихий стон, невнятно выругался.

– Жив, – выдохнул механик с явным облегчением.

– Угу, – кисло пробормотал Крогер, слабо пошевелился, отпихнул здоровяка и, привалившись к переборке, ощупал ссадину на затылке.

Мокрый с головы до ног, в отяжелевшем от влаги бушлате, с блуждающим взглядом и черными кругами под глазами, внешне он ничем не выделялся: среднего роста худощавый мужчина, давно перешагнувший черту, за которой взросление стало старением, с узким лицом, изрезанным шрамами и морщинами. И не скажешь, что когда-то являлся бравым офицером, гвардом Олдуотера.

В очередной раз хлюпнуло, вода на палубе колыхнулась. Кружка с жалобным звоном покатилась по столу и, подняв брызги, пошла ко дну.

Взгляды Лоркана и Крогера скрестились, в зрачках обоих сгустилось напряжение.

– Движемся, – кивнул штурман. – Вроде всплываем.

– Задело вскользь, – согласился здоровяк. – Побило, помяло, нырнули прилично. Я поздно сообразил сбросить балласт.

– Если не залатаем дыры, одинаково пойдем на дно.

– Угу.

– Рули заклинило?

– Да. Пытался выкрутить из кормового отсека, но без толку. Чтобы сказать точно, нужно починить гидравлику.

– Сможешь?

– Посмотрим. Но соваться наружу не хочется. Фоморы знают, на какой глубине сейчас. Ремонтный скаф тут один и довольно жиденький. Зато с воздухом пока проблем нет. Поднять давление, чтобы выжить на минусовом горизонте, не получится, но на нулевом точно не задохнемся.

– Моторы?

– Паршиво. Вал гребного винта погнут. Если запустить, быстро разобьет подшипники, редукторы. Но до ближайшего поселка дотянем.

– М-да, – выдавил Крогер.

Затея с самого начала смердела риском. Красть у Влада – равно что играть с заряженным револьвером. Глава теневой гильдии шахтерских поселений не стал бы главой, если б не являлся жестоким и мстительным ублюдком.

На что же надеялись? Для начала на то, что Владу будет не до того. Прибыла патрульная эскадра из Олдуотера, и часть

дел пришлось свернуть, дабы не платить лишнюю мзду. Кроме того, наметилась война с другим криминальным кланом, молодой главарь коего жаждал откусить долю дел у старика. Перехватывал курьеров с наркотиками и редкостями, атаковал конвои и суда, перекупал судей и стражей, громил притоны и бордели. Иными словами, кровь лилась тихо, но щедро. Каждое утро в тоннелях шахтерских поселений Северного пограничья находили свежие трупы с перерезанными глотками, каждую ночь в тесных переходах случались перестрелки.

Шанс? Еще какой. И когда Крогер услышал о том, что в причальные доки Влада пригнали где-то захваченную субмарину сверхмалого класса и что бóльшая часть охраны перебазировалась ближе к главному притону, бывший офицер поддался соблазну.

Давно грезил о лодке. Таскать контрабанду на себе по пассажирским кораблям опасно. Да и доход получался мизерный. Податься в пираты? Бывал и там, но после полугода, проведенных на разбойничьем корыте, ушел. Слишком много крови. К тому же зачастую приходилось месяцами жить в жестяной банке, наполненной смрадом человеческих тел, прежде чем гидроакустик докладывал о подходящей цели. Да и патрульные не дремали, нарваться на крейсер – вопрос времени.

Другое дело возить грузы на собственной субмарине. Когда ты опытный навигатор и прекрасно знаешь течения, пу-

ти в обход мест, где любят сновать гварды и корсары. И не только в округе, а по всему Олдуотеру и Ньювотеру, что является неоспоримым плюсом. Да и оставаться под носом у Влада сродни безумию.

Бывший штурман сговорился с Лорканом, человеком разнообразных умений и талантов. Вместе уболтали Тома Плавника, мелкого перекупщика. Последний не внушал доверия и типом являлся более чем скользким, трусливым. Но недостатки компенсировало одно неоспоримое достоинство: Томаса знали и без проблем пускали на склады и причальные отсеки многих банд.

В целом началось все неплохо, они зашли в причальный грот без особых проблем в пересменку, когда одни рабочие ушли, а вторая бригада плелась по дальним тоннелям. Плавник отвлек пару сонных охранников, а Лоркан и Крогер зашли из-за спины и перерезали олухам глотки. Быстро прочесали помещение и, убедившись, что вокруг безлюдно, принялись торопливо готовиться к отплытию. Проверили цистерны с кислородом и водородом, заряд батарей, кинулись открывать шлюзы. В этот момент в причальную камеру и ворвался уже смывшийся было Том с белым от испуга лицом. Оказалось, к причалам двигался довольно большой отряд Влада.

Думали недолго. Трусливого перекупщика пинками загнали в лодку, отшвартовались и ушли в наполненные водой причальные трубы, набрали скорость и постарались убраться

как можно дальше от поселения. Но когда начали ликовать, гидрофоны уловили шумы винтов за кормой, лязг торпедных аппаратов. Лоркан выжал из моторов всю возможную мощность, а Крогер совершил аварийный поворот и погружение. А дальше… дальше мир заполонили боль и скрежет.

Стоит отдать должное вражескому канониру, настроил время срабатывания взрывателя, дифферент и угол поворота торпеды почти идеально. Беглецам помог лишь экстренный маневр. Взорвись снаряд чуть ближе, от лодки остались бы лишь воспоминания, разнесло б в клочья. А так изрядно помяло, но выжить выжили.

Впрочем, сейчас, выслушав рапорт механика, Крогер с отчаянием осознал, что субмарина потеряна. Даже если смогут подлатать и дойдут до ближайшего порта, кораблик придется затопить. Слишком обширны повреждения, а денег на восстановление нет. Продавать же нельзя, слухи о сделке непременно дойдут до Влада, и тот захочет отомстить. Что ж, к хрусту сминаемых надежд не привыкать. Повезет в другой раз, сейчас нужно выжить.

Раздалось хлюпанье, через проем люка робко заглянул Том – мелкий мужчина в потрепанном и засаленном от долгого ношения костюме-тройке из шерсти пещерных пауков, с вытянутым лицом, напоминающим крысиную мордочку. Третий и невольный член экипажа то и дело прикладывал к разбитому носу грязную тряпку, заметно дрожал.

– Живой, – констатировал Томас, суетливо сотворил знак

солнца. – Слава богу, теперь можно выбираться. Где спаскапсула?

В ответ его наградили двумя мрачными взглядами. Совершенно очевидно, что, когда субмарину тряхнуло, мерзавец кинулся на поиски аварийного модуля, а не, как утверждал, за помощью.

– Том, – проворчал Лоркан.

– Что?

– В морду хочешь?

– Но я подумал… ну, целы, здоровы… теперь можно… – заикаясь, проговорил делец.

– На сверхмалых лодках нет капсулы, – тяжело обронил Крогер. С трудом поднялся, с помощью механика шатко пробрался мимо онемевшего перекупщика к столу. – Устраните течь.

– Сделаем, – деловито кивнул Лоркан. Оглянулся и махнул рукой: – Слышал? Работаем.

– Но я не умею.

– Будешь крутить вентили, на какие укажу. Не слишком сложная работа?

– Э-э-э… нет, – быстро сориентировался перекупщик, бросив один лишь взгляд на громадные кулаки механика. Отступил и попятился к люку.

– Да не туда, идиот, – презрительно процедил Лоркан. – В носовой отсек.

Маленький человечек съежился, юркнул в распахнутый

люк. Механик щербато ухмыльнулся и прошествовал следом, пару минут утробно рыча и что-то разъясняя и втолковывая. Затем вернулся на корму и на какое-то время скрылся из виду.

Судя по сочным богохульствам и звону металла, занялся латанием пробоин. Вскоре к общему гаму прибавилось: ритмичный скрип, чавканье и бульканье помп, – вода на палубе стала медленно убывать.

«Хороший знак», – подумал Крогер и повернулся к посту рулевого. Мельком изучил индикаторы, попытался покрутить штурвалы.

Горизонтальные рули туго, но шевелились, вертикальные встали намертво. Часть приборов, включая глубиномер, накрылась. Аварийный передатчик вроде цел, но толку никакого. Запеленгуют. Будь он на месте капитана вражеского судна, то приказал бы включить тихий ход и прошелся около места предполагаемого крушения. Так, на всякий случай. Шумы в тонущей субмарине – явление нормальное, а вот радиосигнал – признак того, что добычу лишь ранили.

Дьявол! И как теперь понять, где болтаются? Лоркан прав, любой, кто сунется наружу, смертельно рискует.

Обругав себя за глупость, бывший гвард поискал взглядом перископ. Когда-то читал, что до Исхода прибор использовали для наблюдения за поверхностью. Но несколько столетий подряд применяли при швартовке и движении в плотных группах, для ориентации по эльм-огням, или, как их порой

пафосно называют в книгах, – огням святого Эльма. В древние времена такие вроде бы возникали на острых концах мачт парусников, представляли собой коронные электрические разряды. Когда же человечество ушло под воду, теурги, основываясь на том же принципе, изобрели управляемые навигационные огни и, не мудрствуя, оставили название…

Что ж, сейчас не до навигации, но перископ поможет определить цвет воды, а тот в свою очередь подскажет глубину.

Но не успел Крогер дотянуться до нужной кнопки, как раздался душераздирающий скрежет. Палуба под ногами покачнулась, зазвенело разбитое стекло. Штурман охнул, попытался отпихнуть налетевшую со всего маха стену и тут же отскочил, больно треснулся затылком. После чего с каким-то равнодушным интересом посмотрел, как дрогнули переборки, как одна за другой лопаются трубы и шланги под потолком, проседают крепчайшие шпангоуты.

Крогер знал, что рано или поздно умрет. Слишком часто видел, как гибнут соратники, враги, родные. И не питал иллюзий, не старался забыть. Но, к собственному стыду, сейчас не испытывал спокойствия. Только страх.

Из носового отсека прилетел отчаянный вопль, а из кормового – забористая ругань. Субмарина дала крен в одну сторону, потом в другую и замерла. От прошедшего через весь корпус звука, так смахивающего на скрип гигантских когтей, раздирающих сталь, волосы на затылке Крогера зашевели-

лись.

– Что это? – раздался голос Лоркана. Аварийный фонарь разбился, и лишь тусклые отблески лампочек на приборной панели озарили лицо механика, на четвереньках выползшего из кормового люка.

В ответ послышался протяжный вопль, шаги, шум падения, снова вой. Из другого люка выкатился Том, начал суматошно закрывать тяжелую створку. Но маховик кремальеры, то есть запорного механизма, не поддался, и делец плюнул, бросился прочь. Поскользнулся, шлепнулся в воду, бестолково забарахтался.

– Пробоина? – прохрипел здоровяк, как-то разом съежившись, уменьшившись в размерах.

– Нет, – ответил Крогер, – истерика у него.

– Тьфу! – сплюнул механик. – Визжит хуже болга, коего обыграли в карты. Сердце от одних воплей разорвется. Что стряслось-то?

– Тсс, – отстраненно произнес штурман. – Слышишь?

На минуту в отсеке установилась почти мертвенная тишина. Шум прибывающей воды как-то поблек, умолкли механизмы, заткнулся и перестал возиться Плавник. Минута – и откуда-то снаружи прилетел скрип, переборки передали вибрацию. Легкий удар, и снова скрип.

– Да, – подтвердил Лоркан, – но я не…

– Лед, – как можно спокойнее произнес Крогер. – Мы уперлись в лед.

До механика сказанное доходило целое мгновение. Но когда наконец дошло, он с чувством сказал:

– Слава богу!

– Рано радуешься.

На лице здоровяка отразилось недоумение и переросло в понимание и страх. Корабль вел себя неправильно. Почему-то мерно раскачивался. К тому же если раньше с потолка хлестали тугие струи, то сейчас течь ослабла.

Глаза Лоркана стали как блюдца, а краска сошла с лица. Он окоченел от дикой догадки, что мгновением раньше поразила бывшего гварда.

Разбив онемение в конечностях, Крогер молча встал, протиснулся в носовой отсек через узкий проем, прошел мимо камбуза и забрел в кубрик. Посмотрел вверх, на люк, ведущий в аварийный шлюз, и закисший маховик кремальеры. Несколько чудом уцелевших ламп едва тлели вдалеке. Но и такого света хватило, чтобы увидеть пятна ржавчины, темную, изъеденную временем поверхность. Люком не пользовались, пожалуй, с самой постройки субмарины. А с учетом того, что кораблик примерно девятого поколения, то многие десятилетия.

Несмазанный вал скрипнул, но с трудом поддался. Колесо тяжело провернулось на четверть круга, потом еще наполовину. Обессиленный и задыхающийся Крогер едва не упал. В последний момент повис, как на перекладине, уперся пятками в пол и толкнул.

Маховик пошел легче, сыпанул ржавой пылью и провернулся. Тяжелая стальная плита с грохотом провалилась вниз, петли оглушительно лязгнули.

Бывший гвард не удержался и рухнул на колени, зажмурился и втянул голову в плечи. Одна часть него боялась, а другая страстно хотела, чтобы сверху полилась вода, – вода не могла не просочиться из пространства между тонким и прочным корпусом после стольких сотрясений, – и чтобы поток из шлюзовой трубы сбил его на пол, прокатил по палубе. Боль – не такая уж великая цена за слабую надежду. За то, чтоб убедиться в ошибочности предчувствий.

Но вместо тяжелого дробящего потока потекли жиденькие ручейки. Потекли и иссякли. Сердце оборвалось в груди, дыхание перехватило.

– Господи, сохрани наши души! – Голос прозвучал за спиной, настолько хриплый и лишенный интонаций, что казалось, принадлежал мертвецу.

В проходе замер Лоркан. Лоб блестел от пота, а у глаза часто дергалась жилка, напарник часто творил знамения солнца. Забавно, излишней набожности он никогда не проявлял. Отпетый негодяй, богохульник, циничный мерзавец, верующий в деньги, как в райскую благодать. Но бывают моменты, когда прошибает и таких. И есть вещи похуже, чем немедленная смерть.

Например, не-жизнь. Ведь если ад и существовал, то невольно оказались у самого порога.

– И что теперь? – спросил в пустоту механик.

– Молиться, – пожал плечами Крогер. Но заметил, как опускаются руки у здоровяка, и добавил: – Или попытаться сплясать перед носом у чертей. Что мы теряем? Промедлим, и субмарина уйдет на дно. Конечно, далеко не самая старая посудина, но на минусовом горизонте нас одинаково расплющит, какой-нибудь болг-мусорщик разживется металлоломом. А так будем работать быстро.

– Но если откроем люк и тотчас сгинем? Или задохнемся?

– Я не знаю о том, что сейчас за бортом. И вряд ли кто-то вообще знает. Но так и так попадем в ад. Или ты надеялся замолить грехи?

Здоровяк долго молчал, глядя в пустоту. Потом в зрачках появились злые искры.

– Ты прав.

– Рад, что ты со мной. Тогда сначала запираем течи. Потом наденешь скаф. Я пойду за тобой в кислородной маске. Рихтуем рули глубины, латаем корпус насколько возможно. И тотчас ныряем.

Замедленно кивнув, механик развернулся и опять ушел на корму, а Крогер поискал взглядом хоть какую-то сухую одежду. Таковая нашлась в сундуке под койками. Брюки, толстый свитер из шерсти пещерных пауков, резиновый плащ. И хотя ноги продолжали мерзнуть, а голова гудеть, но штурман почувствовал себя лучше.

Последующий час заняли суматошные ремонтные работы

внутри субмарины. И они добились того, что вода стала понемногу убывать. Затем Лоркан облачился в толстый комбинезон из нескольких слоев металла, резины и ткани, а Крогер помог ему надеть тяжелый бронзовый шлем и туго затянул болты на шейном креплении. Механик хмуро кивнул сквозь окошко лобового иллюминатора и направился к главному шлюзу, молча поднялся по лестнице с молотком в руке.

Некоторое время бывший офицер стоял, напряженно прислушиваясь и стараясь игнорировать настойчивые расспросы перекупщика. А Лоркан поначалу притих, потом послышалось звяканье металла – стукался шлемом о стенки узкой шахты. И наконец лязгнуло, скрипнуло, через томительную минуту сталь передала три тяжелых удара.

Можно выходить.

От данной мысли штурман оцепенел. Но быстро встряхнулся и подал Плавнику противогаз с маленьким кислородным баллоном.

– Зачем? – удивился делец.

Пришлось придумать историю про воздушный карман в леднике. Немного успокоенный, Том почти без сопротивления вскарабкался по лестнице, открыл люк и юркнул в шлюз. Однако там замер, беспокойно завозился и попытался прыгнуть обратно, наступив ботинком на лицо бывшего гварда.

Разозленный Крогер достал нож и ударил перекупщика в пятку. Взвизгнув, Плавник пробкой вылетел наверх, оттуда послышался стон, удар. Штурман чуть помедлил, двинулся

следом. У последней перекладины замер, медленно приподнял голову и пораженно огляделся.

Мир тонул в грязно-белом мареве. В дыму – так померещилось в первую секунду. Но когда по маске поскреблись острые льдинки, штурман осознал, что ошибся. И задохнулся, хоть готовился к чему-то подобному. С немым изумлением посмотрел в клубящуюся и танцующую пустоту. Вздрогнул от удара холодного воздуха, от понимания того, что стен здесь нет… нет… нет!..

Ветер – вплыло полузабытое слово в мозгу. Забытое не одним человеком, но целыми поколениями. И словно проломив незримую преграду, в сознание начали врываться другие слова, знакомые по книгам, но давно утратившие истинное значение: снег, метель, небо.

Да, здесь имелось небо. Изредка во мгле появлялись разрывы, и тогда где-то вверху мелькал желтоватый круг, обрывки чего-то бледно-голубого, смахивающего на дорогое стекло. Мир сочился светом. Без ламп, без прожекторов.

– Крог!..

До штурмана дошло, что Лоркан зовет далеко не в первый раз. Он опустил взгляд и увидел напарника, машущего рукой с носа лодки. Оторопело уставился на куски льда, плавающие в черной воде за бортом, затем снова на механика, выглядящего скорее размытым пятном, тенью, а не человеком.

На секунду сердце обуял ужас, от осознания того, что здоровяка нет, что его поглотили. Но штурман сумел преодо-

леть приступ паники и, стиснув зубы, выбрался на палубу надстройки. Услышал скулеж и нашел взглядом Томаса.

Перекупщик сидел у основания перископа, съежившись, вздрагивая и глядя вдаль. Без противогаза, с перемазанным кровью и машинным маслом лицом, совершенно безумными глазами.

– Что вы наделали? – тихо выл делец. – Наши тела похитят, наши души пожрет тьма, вечно будем мерзнуть в аду.

Он бормотал что-то, и порой в этом бессвязном шепоте проскальзывали слова молитв. По щекам текли слезы, рот горестно кривился.

Кажется, Плавник окончательно потерял самообладание. А может, и свихнулся.

– Соберись, – приказал Крогер, пнув торгаша в бок.

Без толку. Не заметил удара, лишь съежился сильнее и закрыл лицо ладонями. И наплевать, в таком состоянии он не способен навредить. Но и поможет вряд ли.

Поразмыслив, штурман снял маску, осторожно вдохнул. Воняло мерзко. Серой, аммиаком, чем-то кислым. Головная боль моментально усилилась, а в глотке запершило. Но дышать можно, хоть и с трудом.

Интересно другое. Он читал, что вышедшие на поверхность погибают тотчас, что жить здесь после разразившегося апокалипсиса невозможно. Ложь? Или незнание? Или нежелание знать?.. Страх держит на глубине. Страх заставляет верить церковникам, и те охотно поддерживают его.

Как бы то ни было, но дышать тут точно можно. А значит, и остальное, вполне вероятно, небылицы. Крогер умел мыслить трезво, ограничивать круг задач.

Взглянув на Тома и убедившись, что тумаки не помогут, бывший офицер спустился с надстройки на внешнюю палубу. Чуть не поскользнулся на обледеневшем металле, выругался и, нелепо семеня, побежал к механику.

– Копаешься, – прогудел с недовольством Лоркан. Указал вниз и буркнул: – Подсоби.

Оказалось, здоровяк успел привязать трос к металлической скобе на носу, второй конец посредством карабина закрепил на поясе. И когда штурман перехватил веревку, аккуратно шагнул в сторону, медленно спустился прямиком в густую как желе воду. Встал на твердое, подхватил кувалду и, погрузившись почти по плечи, начал стучать – выпрямлял погнутые тяги рулей глубины.

Минуты казались долгими и томительными. Наполненными страхом неизвестности, ритмичным звоном, плеском воды. Механик правил железки, а штурман страховал, стоя на палубе и содрогаясь под колючими пощечинами ветра. Старался не выпускать из онемевших пальцев трос и лишь изредка оглядывался. На льды, на снег, на мятый металл под ногами, изъеденный морской водой, покрытый водорослями, ракушками и твердой, почти стеклянной коркой.

Во мглу старался не глядеть. Одна мысль о том, что за ней скрывается бесконечность, внушала тревогу. Но еще ху-

же – фантазии и кошмары, рожденные из легенд и исторических хроник, ожили сейчас и терзали, били. Воображение само собой рисовало темных тварей, и бывший гвард нет-нет, а замирал, тревожно прислушивался.

Неужели в аду пусто?..

Закончив возиться с одним из рулей, Лоркан с трудом поднялся наверх. И не откладывая в долгий ящик, переполз к другому. Поскользнулся от усталости, ушел в воду с головой, и лишь посредством неимоверных усилий Крогеру удалось удержать напарника, подтащить к рулю. Тот сначала встал на четвереньки, потом на колени и медленно поднял голову. В маленьком фронтальном иллюминаторе показалось тусклое потертое лицо, покрытое крупными каплями пота, совершенно измученное.

Но стоит отдать должное – молоток механик не утопил. И чуть отдышавшись, поправил шланг воздуховода, вновь взялся за работу. Здесь возился меньше, ибо основной удар от взрыва торпеды пришелся на правый борт, там и деформировало больше. Минут через десять закончил, махнул рукой – поднимай.

А потом они стояли и дышали, глядя себе под ноги. Без слов, без мыслей. Замерзшие и вымотанные, словно часы напролет оборонялись от нашествия фоморов.

Первым осмелился нарушить тишину Лоркан:

– Нам повезло. Корпус поврежден не так сильно. Я заметил пару мест, где следует наложить заплаты, а с мелочью

справятся насосы. Крепкий кораблик, бывший хозяин явно не пожадничал, заплатил гностикам.

– Да, – скупо ответил штурман. – Я принесу сварочную горелку и заготовки.

Ему хотелось оказаться в субмарине, под защитой надежных стальных стен. И лучше, чтобы от поверхности отделяли десятки ярдов воды. Соленой, горькой от йода воды, которую по поверью не переносят обитающие здесь твари. Страх… страх глубинный и дикий, взращенный с детства историями о гибели мира, о пришествии Люцифера, раздутый священниками и байками соратников, редкими книгами шевельнулся в груди. Но он сумел преодолеть приступ мистического ужаса. Захватил в рубке лодки тяжелый баллон и пару стальных заготовок, в несколько рывков выбрался на внешнюю палубу, вернулся к Лоркану.

К счастью механик оказался прав, над лодкой поработали гностики. И не какие-то сопливые подмастерья, а кто-то уровня старшего мастера. И взрыв выдержала, и сквозь льды пробилась. Тонкий корпус деформировало, изжевало, но лишь в двух местах пробоины достаточно велики, чтобы угрожать плавучести. Одну напарники заштопали без особых усилий, а вот с другой пришлось повозиться.

– Готово, – наконец прогудел механик и потушил горелку.

Напрягая онемевшие мускулы, штурман потянул за канат и с трудом выдернул здоровяка на палубу. Стер испарину со лба, мельком огляделся и вдруг замер.

– Ты видел?

– Что? – забеспокоился Лоркан и повертелся на месте, так как шлем старой конструкции ограничивал обзор.

Тень. Зыбкое пятно в грязно-белой пелене проскользнуло где-то слева по борту. Но едва штурман напряг глаза, нечто исчезло, испарилось как фантом.

– Не знаю, – пробормотал бывший офицер. Мотнул головой и поморгал. – Почудилось, наверное.

– Томас! – воскликнул механик.

Резко развернувшись, навигатор от души чертыхнулся. Делец все время сидел у стрелы перископа, молился, отмахивался от кошмаров наяву и скулил. Но сейчас словно сквозь железо просочился.

Спустился в лодку – решил Крогер. И хотел махнуть рукой, когда заметил движение в снежной буре, размытую человеческую фигуру. На льдине рядом с кораблем виднелись следы, вереница отпечатков убегала во мглу.

– Вот ублюдок! – рыкнул механик. И недолго думая отсоединил шланг воздуховода, подбежал к месту, где твердь терлась о бок корабля. Примерился и скатился вниз, упал на колени. Вскочил и явно вознамерился кинуться вдогонку, когда со спины нагнал окрик штурмана:

– Какого демона? Мозги отморозил? Оставь. Нужно погружаться.

В ответ здоровяк выдал злобную многоярусную тираду. Но сообразив, что больше половины слов не достигло

ушей адресата, раздраженно распахнул лицевой иллюминатор шлема, выпалил:

– Грести как? Ладонями? Этот упырь утащил ключ!

– Дьявол! – выдохнул Крогер, сразу приняв утверждение на веру. У самого зрение так себе – возраст. А вот Лоркан без труда вдевал нить в игольное ушко. И уж точно разглядел стальной прут в кулаке торгаша.

Без ключа моторы субмарины – лишь груда бесполезного металла. Без ключа они обречены на медленную смерть: от мороза ли, от голода или недостатка кислорода – не важно. Короткий кусок металла, обработанный гностиками, активировал и энергетическую установку, и прочие системы.

Но зачем? Что нашло на Томаса? Крутануть вентиль с испугу, чтобы уйти подальше от поверхности, – одно. Но другое дело специально убить их. Проклятый психопат! И сам тоже хорош: предполагал же, чувствовал, что за перекупщиком необходимо присмотреть, но слишком увлекся. И не заметил, как страх уничтожил рассудок дельца.

Им слишком долго внушали, что на поверхности ад, что здесь любой смертный потеряет душу. Вернувшиеся перестают быть людьми. А такие существа – угроза всему. Кораблям. Городам. Миру.

Том решил пожертвовать ими, дабы спасти душу. Или, может, мнил себя спасителем человечества. Да не важно! Другое дело, что проклятый идиот не догадался утопить ключ, зачем-то потащил куда-то в метель. И вот тут непонят-

но: горевать или радоваться подобной выходке.

Пока бывший офицер осмысливал происшедшее, механик развернулся и бросился в погоню.

– Стой! – крикнул штурман. Но вопль опоздал, завяз в плотной пелене снегопада. Еще слышался тяжелый топот, но вскоре затих. – Лоркан!

Никакого ответа. Метель поглотила и дельца, и здоровяка. Пожрала, растворила. А на Крогера с удвоенной силой обрушилось одиночество, скребущийся где-то на грани сознания страх пробился наверх и ласково укусил за загривок.

Отовсюду смотрела пустота. Давила на плечи, обнимала, ее шепот слышался в шуршании снежной пыли, в посвисте ветра, в плеске волн. Невыносимое ощущение. Он понял, что еще немного – и сам сойдет с ума. Скрипнул зубами и кинулся к правому борту, неловко упал на бок, скатился на льдину. Застонал от боли в ушибленном плече, но кое-как поднялся и шатко побежал вдоль извилистой дорожки следов.

– Лоркан!

Глотку обожгло морозом, мерзкой аммиачной вонью. Он поперхнулся криком, закашлялся. Но едва сумел пробиться через удушье и слезы, поймал взглядом темное пятно. Размытое, бесформенное. Сквозь грохотание крови в ушах прорвались иные звуки: какая-то возня, скрип снежного наста, хныканье.

А в паре шагов валялся ключ, припорошенный белой кру-

пой. Крогер наклонился и подобрал величайшую ценность, бережно стряхнул снег с металлического стержня, ощупал.

«Слава Господу! – мелькнула почти ликующая мысль. – Лорк таки догнал дурака. И хорошо, что быстро. Нужно возвращаться».

Радость разлетелась на куски, а в голове пусто зазвенело, когда размытая тень в белом мареве обрела очертания. Очертания Лоркана и Томаса. Но против ожиданий не механик поймал дельца… наоборот.

В первую секунду штурман элементарно не сообразил, что видит. Перекупщик – мелкий худой проныра и вообще дохляк – держал здоровяка за горло. Держал на вытянутой руке, без особых усилий. А Лоркан хрипел и дергался, сучил ногами, пытаясь найти опору.

Но хуже и ужасней то, что изо рта и ноздрей Тома тянулись длинные черные нити, смахивающие на щупальца. Извивались, пытались протиснуться под комбинезон механика, рвали и ткань и сталь. Эти же жгуты как скользкие черви двигались под кожей Плавника и толстым пучком проникали через лицевой иллюминатор под шлем здоровяка, жадно шарили, пульсировали, будто пили.

Раздалось особенно громкое хлюпанье, и костюм механика окрасился кровью. Та же кровь пополам с черной жижей заляпала боковые иллюминаторы шлема. Лоркан рухнул грудой тряпья, а Том повернулся к штурману и вперил в того взгляд. Стеклянный взгляд, мертвый. Щупальца втянулись в

рот и остались шевелиться между зубов, губы скривились в болезненной ухмылке.

Еще никогда в жизни Крогер так не бегал. И так не кричал.

Выл и не мог прекратить выть, а снег и ветер забивали глотку. Мчался, не разбирая дороги, спотыкался и падал, полз, вскакивал и бежал к кораблю. Бежал, чувствуя в ладони стылую тяжесть ключа. А ужас, настоящий и незамутненный, бил по спине и ногам, сжимал сердце когтистой лапой, перед глазами стояло лицо перекупщика, лицо одержимого тьмой человека.

Священники не лгали.

Но понимание осталось где-то вовне. Где-то вместе с той частью сознания, что пока могла мыслить трезво и логически. И именно эта кроха рассудка привычно считала шаги, шансы, варианты действий, оставшиеся секунды и силы.

«Успеваешь, – ободряюще прошелестело в ушах. – Просто дойди до воды».

Но как часто случается, рок вступил в права ровно в тот миг, когда привиделось: вот-вот, и получится. Метель чуть ослабла, из мглы проступил силуэт субмарины. Бывший офицер замедлил бег, дабы найти участок берега, подступающего вплотную к борту, и не заметил колдобины, предательски попавшей под сапог, ударился и растянулся на льду, как морская звезда. С каким-то отупением проследил за улетевшим поодаль ключом, оттолкнулся от льдины… и увидел

Томаса.

Как делец оказался впереди? Как обошел, да столь тихо?

Волосы встали дыбом, а дыхание перехватило. Штурман опять позорно завыл, попытался отползти прочь. И застыл, ибо прямиком из сугробов начали вырастать дымные ручейки. Тьма неопрятными кляксами запятнала завесу метели, плотные клубки закружились в воздухе, постепенно сужая кольцо. Дымился и перекупщик. В красных от полопавшихся капилляров глазах неторопливо сгущался алчный мрак.

Крогер нащупал рукоять ножа на поясе. Но с оторопью осознал, что самоубийство не поможет. Грешники в аду не умирают, лишь страдают. Вечно.

Но все равно ударил себя клинком в горло. Захлебнулся кровью, упал в быстро стынущую красную лужу. Последнее, что увидел, – изображение зверя на носу корабля. Домашнее животное, любимое аристократами Олдуотера. Кошка… бегущая кошка. Символ ангела смерти в каких-то древних верованиях.

Глава 1

– Ормонд Лир Мак-Моран.

Нотариус не спрашивал и не утверждал. Скорее проговаривал вслух, пытаясь осознать факт свершившегося. Изучил мой паспорт под светом настольной лампы, уделив пристальное внимание фотокарточке и печатям, бросил быстрый взгляд исподлобья и сразу уткнулся в записи.

Я не подгонял. Присел на стул и сделал вид, что не замечаю шепотков, ползающих по затылку колючих взглядов. Более того, вежливо улыбался в пустоту, нарочито рассеянно осматривал убранство большого кабинета и водил пальцем по столешнице. Стол великолепен. Тяжелый и громоздкий, внушающий уважение. Эдакая опора закона. И самое главное – из настоящего дерева, что априори делало предмет мебели дороже массивного золотого солнца на тощей шее тетушки Орнии и рубиновых запонок дядюшки Нолана разом взятых.

Дерево мне нравилось. Не потому что редкость. Просто теплый, удивительно живой материал. Его мягкая сила отгоняла холод каменных стен, успокаивала после пути по шумным городским тоннелям и залам, грязным лестницам, подъемникам Тары.

И тем поразительнее мысль о том, что когда-то в мире произрастали леса с тысячами, сотнями тысяч разнообраз-

ных деревьев. Теперь же лишь туату из дома Лета способны выращивать растения в оранжереях, их поставляют людям за баснословные деньги. И никто не в курсе, что существовало множество пород: дуб, сосна, ясень, орешник и прочие. Никто, кроме редких умников вроде меня, специально копающихся в старых записях. Хотя и мы признаем: слова пусты, как мертвые ракушки, и какой в них заложен смысл, одному Люциферу известно.

Сообразив, что пауза неприлично затянулась, нотариус резко откинулся в кресле. Откашлялся, достал из кармана платок и тщательно смахнул пот с обвисших щек, побагровевшей лысины в обрамлении седых клочьев того, что когда-то представляло собой роскошную шевелюру. В блеклых рыбьих глазах плескалась смесь недоумения и растерянности. И я сознавал отчего – много лет от прямого наследника ни весточки, а тут явился и ног не замочил.

Но больше законника сбивал с толку мой вид, ведь на аристократа я смахивал слабо. Он видел перед собой стройного мужчину средних лет с внимательным взглядом бледно-карих до желтизны глаз и резкими чертами лица. Щеки покрыты трехдневной щетиной, светлые волосы засаленными вихрами торчат как колючки, а куртка в подозрительных пятнах и порвана в паре мест, на поясе кортик в простых ножнах.

Авантюрист-бродяга, наемник или моряк, а не потенциальный лорд. Особенно на фоне других присутствующих:

мужчин с холеными лицами, одетых в лучшие костюмы, женщин в дорогих платьях. И пахло от меня иначе – едким потом, машинным маслом, металлом и морской солью. А вокруг прочих витали ароматы изысканных духов.

Впрочем, неизвестно, как бы выглядели эти люди, если б им пришлось проделать такой же путь.

– Я правильно понимаю? Желаете заявить о своих правах? – осторожно спросил нотариус. Взгляд скользнул на дядю, но с усилием вернулся обратно.

– Вы удивительно проницательны, – добавив в голос немного иронии, ответил я.

Очевидно, законник успел заверить дядюшку, что грот перейдет в его владение без особых проволочек. И явно был должен Нолану. Деньги? Услугу?..

Не важно. Сейчас никакие уловки не помогут, свидетелей слишком много. И далеко не все куплены Ноланом. А еще у выхода вдалеке от света ламп безмолвным силуэтом торчал монах с худым аскетичным лицом. Ряса серая, невзрачная, на груди потемневший от времени железный круг в виде солнца, из рукавов свисают цепи, на коих болтаются отливки в виде аптечных весов. Служитель принадлежал к ордену Правосудия Господнего, а адепты такового считались неподкупными. Обязательно присутствовали на важных процессах, безмолвно наблюдали и не вмешивались. Но если некий юрист откровенно попирал законы божьи и человечьи, того вскоре ждала неприятная встреча с церковными дознавате-

лями. В лучшем случае.

Нотариус опять прошелся взглядом по бумагам, разложенным на столешнице. Задумался, потом чуть расслабился.

Нашел зацепку?.. Что ж, таковая имелась. Но я знал о ней, ведь давным-давно изучил нюансы дела, подготовился. Точнее, надеялся, что подготовился.

– Замечательно, – пробормотал законник. Облизнул губы и добавил громче: – Тогда повторюсь: сегодня, двадцать седьмого числа второго месяца осени Лир Берак лорд Мак-Моран, пропавший без вести пятнадцать лет назад, по законам Олдуотера, окончательно и бесповоротно признан скончавшимся. Мы собрались здесь, дабы определить, кому суждено стать главой дома, а также владельцем родового имения и прочего.

– А завещание зачитывать будут? – нетерпеливо перебил какой-то мужчина из задних рядов.

Наверняка кто-то из дальних родственников. Пришел, надеясь урвать кроху от общего пирога. Среди знати Тары имелся обычай отписывать таким хоть по паре эаров, чтоб помолились потом в ближайшем храме. Глядишь, грешок-другой и отвалится по дороге в чистилище.

– Кгхм… к сожалению, лорд не успел составить таковое, – развел руками нотариус.

Неизвестный что-то разочарованно протянул и, судя по грохоту и скрежету металла отодвигаемого стула, шагам и шелесту одежды, встал и направился к выходу. Разом уда-

лились еще некоторые. И снова поползли шепотки, смешки, ворчание. Но громче прочего прозвучало шипение тетушки:

– Кровососы! Мало нам проблем? По какому-то нелепому обычаю ждали годы. А тут и безродный бродяга решил поживиться. Любой проходимец может подделать документы и заявить право.

– Мама! Орм не виноват.

– Не называй так какого-то мошенника, Рэйчил!

– Но я узнала…

– Молодая леди! Закрой свой рот! Или я…

– Призываю к порядку! – поморщился юрист. – Прошу, держите себя в руках. Мы заинтересованы, чтобы дело решилось быстро и законно.

– Простите, – проскрипел дядя. – Моя супруга и младшая дочь слишком эмоциональны.

– Продолжим, – вновь сбиваясь на сухой канцелярский тон, сказал юрист. Скосил глаза и добавил: – Триса О'Даффи, есть запись, что вы повторно вышли замуж. Тем самым утратили право на титул, право распоряжаться имуществом дома. Сознаете ли это, леди?

– Да. Ноша не по мне. И на богатства не претендую.

Голос матери, по-прежнему молодой и мягкий, на секунду вывел из равновесия, а в груди болезненно дрогнуло. Виду я не подал, продолжая сидеть в непринужденной позе.

Не думал, что осмелится прийти. Но явилась, хотя находиться в одной комнате с родственниками сгинувшего мужа

было мучительно. Теперь никто не стеснялся, каждый, или почти каждый, считал долгом как-нибудь унизить, задеть побольнее.

Дочь мелкого торговца не признавали ровней. Когда отец находился рядом, злые языки распускались крайне редко. После исчезновения лорда ситуация ухудшилась, но власть матери над родовыми деньгами заставляла многих вести себя осмотрительно.

Вот только не выдержала напряжения, страха наделать ошибок, вечных интриг, потерь. Сначала мать уступила мнению окружающих и отправила меня, шестнадцатилетнего мальчишку, в морскую академию – осваивать стратегию и тактику сражений, флотоводческую науку, правила хороших манер и искусство стихосложения. Затем отдала регентство двоюродному брату мужа Нолану, любезно предложившему помощь. И спустя несколько лет вновь полюбила, подала прошение на заочный развод, снова вышла замуж.

Нет, решение далось ей нелегко. Долго и искренне скорбела, оплакивая потерю. Горевала, когда стало ясно, что сын тоже куда-то запропастился. Но время мало-помалу зализало раны, и в какой-то момент в жизни Трисы появился Дакейн – немолодой, талантливый и в чем-то одержимый ученый. Именно одержимость и привлекла мать. Ведь отец отличался такой же увлекающейся натурой. А она слишком привыкла к роли той, кто поддерживает, вдохновляет.

Триса не могла знать, что меня направили не в академию,

а совсем в другое учебное заведение. Как и о том, почему я покинул школу и не мог вернуться, скитался по Западному и Южному пограничью, скрывая настоящее имя. Не ведала, дышу ли, бьется ли мое сердце.

Терять кого-либо и жить дальше – вот что по-настоящему смело. Ощущая боль и пустоту каждый день, жить наперекор и вопреки. А не как те сопливые трагические герои, чуть что режущие вены, трусливо бегущие от страданий.

Когда живешь, случается, что пустота незаметно наполняется чем-то новым. Именно так и произошло с матерью.

Я знал, через что прошла, что пережила, чувствовала. Глаз и ушей в Таре хватало, сам изредка анонимно навещал столицу, наблюдал украдкой. А теперь, говоря откровенно, испытывал жгучий стыд за то, что нарушил ее покой: написал и попросил прийти, заставил терпеть презрительные взгляды, обсуждения, унижения. Дал ей осознать, насколько ошибалась, считая меня мертвым. Ведь сейчас ее терзали и иные сомнения. А вдруг и бывший супруг жив?..

Подло. Мерзко. Но пришлось открыться. Документы, что помог восстановить Фергюс, хороши. Но лучше, когда есть люди, способные тебя узнать и подтвердить личность.

Мысли и воспоминания почти на минуту заглушили голоса, и я очнулся лишь в тот момент, когда законник опять обратился к дяде:

– Нолан Мак-Моран, как брат усопшего вы ближе прочих в очереди на титул и грот. Но появление вашего племянника

меняет дело. У сына лорда прав больше.

– Документы подделаны! – снова вклинилась тетушка. – Ормонда не видели в Таре много лет, и я не знаю, кто этот… этот…

– Леди, – поднял руки в знак примирения юрист, – прошу прощения, но удостоверение подлинно. Я распознал бы обман.

– Возмутительно! – повысила голос Орния. – Мы заслужили. Мы многие годы поддерживали дом. А теперь неизвестный молодчик пришел и сказал, что отберет наше дело и нашу честь, имя?..

– Законы Олдуотера на сей счет строги, – поджал губы нотариус. – Титул и имущество переходят от отца к сыну. А также обязанности, клятвы верности, долги. Конечно, есть нюансы в отношении жен и братьев, но потомки стоят на первом месте. Если желаете, подайте апелляцию. Но я бы на вашем месте не спешил. Есть прецеденты, когда наследники отказывались от титула лорда по тем или иным причинам.

– Да о чем вы говорите? – фыркнула тетя. – Никто в своем уме не станет…

– Орния! – перебил поток излияний жены дядя.

– Что?

– Уймись.

Нечто в голосе Нолана заставило тетушку прикусить язык. Какая-то интонация, намек.

– Ормонд? – вновь повернулся ко мне законник.

– Да.

– Спрашиваю для протокола. Вы заявляете права на титул лорда дома Мак-Моран?

Момент истины, как бы банально и пафосно ни звучало.

Наивный простак заговорил бы о родовой чести, долге, традиции. Циник ляпнул о богатстве и власти. Но ошиблись бы оба, потому что меня не волновало ни то, ни другое. Плевать я хотел на титул, красивые обращения, балы, интриги и вечную грызню за влияние. Тем более век прогрессивный, вытирать ноги о простолюдинов не так модно, как пару столетий назад. Деньги? Хм, не бедствую. Сумел найти дело по душе, имею неплохой доход. На старость точно хватит. Если доживу. Власть?.. Власть неволит, заковывает в цепи так же верно, как и тех, над кем властвуешь. А я привык к свободе. Вошел во вкус. Нравится странствовать, жить то тут, то там, легко перебираться с места на место. Тогда родовая честь, долг, традиции?.. Нет. Пустой звук. Слишком долго я прожил вдали от подобного, никто не успел вбить в голову высокие идеалы.

Сейчас бы встать да уйти, послать в пекло дядю, титул, ту судьбу, которую избегал многие годы. Но едва подумал, как накатила волна удушающей боли. На миг почудилось, что глаза выгорели изнутри, к горлу подкатила тошнота. Тихие шепотки в сознании обрели плотность, а тени кабинета ожили, зашевелились.

Одна выползла из-под тяжелой портьеры и насторожен-

но остановилась, будто принюхиваясь. Вторая мягко скользнула из угла на высокий сводчатый потолок, зацепилась за медный крюк у стены и нахально ухмыльнулась. За первыми ожили остальные, сумрак сонно колыхнулся, как грязная жижа.

Лишь огромное усилие воли и выдержка позволили не измениться в лице, не дрогнуть. Впрочем, приступ вскоре пошел на спад – предупреждение, легкий игривый укус, а не пощечина. Я чуть заметно перевел дыхание и сказал:

– Да.

Встал и, мельком подметив, что тени опять засыпают, медленно повернулся. На меня смотрели десятки глаз, вокруг мелькали лица: скучающе-равнодушные, надменные, удивленные, злобно-раздраженные, старые и молодые, красивые и не очень. Многих присутствующих действительно я видел впервые – четвероюродные дяди и тети, деды и бабушки, многочисленные племянники и племянницы, их братья и сестры, жены, мужья, шурины, свекрови и тещи. Поразительно. Не знал, что у меня полно родни.

Кажется, на лице отразился призрак насмешки, ибо многие скривились, будто проглотили нечто кислое. И в наступившей тишине особенно громко прозвучала чеканная фраза Нолана:

– Оставьте нас.

Немолодой толстый мужчина у стены поднялся со стула, посмотрел на дядю, вздохнул и ушел. За ним просеменила

высокая старуха в глухом черном платье, порывисто выскочила миловидная рыжеволосая девушка.

Люди удалялись. Сначала поодиночке, потом целыми семействами. Кто-то с неловкостью, бочком по-крабьи, пробирался у стены, будто застигнутый на месте преступления. Кто-то раздраженно раздвигал стулья, топал ногами и бормотал ругательства под нос. Иные заискивающе улыбались, с надеждой таращились на Нолана. Завязать бы разговор и предложить услуги, выразить поддержку новому лорду, приобщиться… хм, к ценностям.

Но не выгорело, не срослось. За дядей стоят деньги и торговые партнеры, знакомства, готовые связи. А я рыбка донная, что из себя представляю, неизвестно. Таким образом, как минимум половина родственников выждет, когда будет сделан первый ход. Вторая – когда кто-то споткнется и совершит ошибку.

Спустя пять минут кабинет нотариуса остался почти пустым, за исключением юриста и безмолвного монаха-судьи. Остались и Триса с Дакейном, Нолан и Орния с детьми.

Мой взгляд столкнулся с взглядом матери, и в груди опять екнуло, а к горлу подкатил удушающий комок. В ее глазах и верно плавала смесь боли, вины, страха, упрямства, любви и надежды. Смесь густая и жгучая.

Несмотря на возраст и редкие седые пряди в волосах, она оставалась изумительно красивой. Одета в строгое платье без излишеств, но именно этой подчеркнутой простотой

она затмевала многих разодетых в пух и прах. Все дело в ее врожденном аристократизме: утонченности, хрупкости и вместе с тем внутренней энергии.

«У отца не было шансов, – мелькнула мысль. – Как и у отчима».

Дакейн сидел тут же, обнимал мать за плечи, нежно, но крепко. Словно пытался закрыть собой, защитить, уберечь. На меня смотрел с неким отстраненным любопытством, открыто и беззлобно.

Он походил на университетского преподавателя. Немолодой и седой, с интеллигентным лицом, бородой клинышком. Образ дополнял опрятный, в крупную коричневую клетку, но безнадежно вышедший из моды костюм да толстые роговые очки. И лишь где-то за их стеклами, в глубине зрачков, затаились проблески, что бывают у человека, способного пожертвовать чем угодно ради утоления жажды знаний.

Оба, и Триса и Дакейн, расположились у дальней стены, на приличном расстоянии. А прямо передо мной на лучших местах восседало семейство Нолана.

Дядя – худощавый высокий старик с неприятным лицом и кустистыми бровями, под коими осколками грязного льда тускло поблескивали чуть косящие глаза. С виду спокоен, но судя по крепко сжатым губам и прямой спине – в ярости. Рядом с ним ерзала на стуле тетя – похожая на швабру пожилая женщина с узким ртом и темным колючим взглядом. Эта контролировала себя хуже: то и дело порывалась что-то

сказать, дышала тяжело, почти сопела.

Чуть позади дети. Милая стеснительная Рэйчил, подруга детства, смотрела то на меня, то на отца и с отчаянием заламывала руки. Разодетая как невеста пухлая Лиадан раскраснелась от праведного гнева и рвала ни в чем не повинный носовой платок от избытка чувств. Младший же Реган, еще подросток, лишь сонно хлопал глазами, явно не понимая, что происходит. От него тянуло сладковатым, а зрачки на свету уменьшались до размера едва заметной точки.

– Итак, – сухо произнес Нолан, неторопливо пригладил жидкие волосы и поправил запонки на рукавах расчетливым картинным движением, – сколько ты хочешь, Орм?

Что ж, предсказуемо. Дядя начал с того, в чем разбирался. С торга. Это с виду напудрен и прилизан, начищен до блеска, важен и величественен. А под слоем позолоты торгаш, выставляющий цену всему – будь то рыба или украшение, верность или честь.

Брат отца отличался честолюбием. Удачливый делец, сумевший многократно преумножить состояние благодаря уму и жестокости, хитрости и беспринципности. Имел дела с туату и дальними, Фир Болг, с властями и преступниками, священнослужителями и гностиками, хаживал в дома знатных и благородных, в тайные пещеры преступников. Но жаждал большего. Имени. Власти. Места в Совете Старших домов. Исчезновение отца стало для родственника подарком судьбы. А мать быстро поддалась на уговоры и позволила ему

стать регентом. Насколько я знал, семейные предприятия разорились в течение пары лет и были куплены за бесценок подставными компаниями дяди. Торговый и военный флот тоже прикарманил через тех же подсадных покупателей. Ему оставалось лишь ждать, когда признают смерть Лира.

Но ждать пришлось очень долго. Так как на этот счет законы Олдуотера не отличаются здравомыслием. Традиции предписывают срок в пятнадцать лет в случае, когда смерть лорда никем не подтверждена. Ни гранд, ни Совет не вправе решать, кто будет обладать регалиями до тех пор, как-то ускорить процесс. Могут назначить управляющего. Но как только выйдет положенное время и будет определен наследник, цепь передается ему, а прочие остаются с носом.

Глупость? Возможно. Но дурацкие законы зачастую основаны на реальных прецедентах. И насколько я знал, данный не являлся исключением.

Обычай родился лет двести тому. Тогдашний верховный лорд пропал без вести во время войны с туату. Флагманскую субмарину подбили в бою, уцелевшие суда в панике отступили. Позже конфликт замяли и выбрали нового правителя из другой ветви того же рода, ведь искренне считали, что старый сгинул. Однако все изрядно удивились, когда бывший гранд вернулся спустя восемь лет и заявил право на престол. Оказалось, туату взяли тонущий корабль на абордаж, уцелевших членов команды, не разбираясь, отправили на рудники. И лишь спустя годы правителю удалось выбраться из

заточения.

И тогда завертелось. Так как новый лорд успел насолить тем, кто сидел у кормового мешка при старом. Кого-то обидел, кому-то не обеспечил положенных почестей. И те быстренько под лозунгом возврата законной власти развязали гражданскую войну. Крови пролилось столько, что многие конфликты и до и после меркли на фоне этого.

Старый лорд, к слову, трагически погиб в бою при осаде Лимерика, одного из городов Олдуотера. Восстание, соответственно, провалилось, и страсти немного поулеглись. Однако Совет сделал соответствующие выводы и протащил через голосование новую поправку к закону о наследовании.

Пятнадцать лет – чертовски долго. Но родственник умел ждать. Единственное, чего не учел в расчетах – меня.

– Что вы имеете в виду, дядя?

Я изобразил вежливое внимание.

– Брось, Ормонд! – хмуро проворчал Нолан. – У меня нет времени играть. И нет желания. Дела, знаешь ли. Буду говорить прямо: твое наследство превратилось в воду. Шахты и заводы пришлось продать, чтобы погасить часть старых долгов. Лир мало занимался управлением, пускал дела на самотек, твоя мать совершала ошибки. К тому же набег фоморов на внешние города и война с дальними лишили нас рынков сбыта, компании не успели перестроиться.

Он отвел взгляд, а я чуть склонил голову.

– Понимаю.

– Хорошо, – оживился дядя. – Рад, что мы на пути к компромиссу. Уверен, ты осознаёшь всю сложность положения. Долгов много, и вряд ли тебе нужны подобные проблемы. Но я могу погасить, приведу род к процветанию. К тому же если б ты хотел титул или владения, то явился бы раньше. Но пришел лишь сейчас. Что ж, мудро и расчетливо. Я готов обсудить цену отступных.

Достав из внутреннего кармана чековую книжку и ручку, Нолан занес перо над графой с суммой и вопросительно изогнул бровь. Орния затаила дыхание, а Лиадан и Рэйчил обратились в изваяния. Мать гневно сверкала глазами, презрительно кривилась. Лишь Дакейн и Реган сохраняли спокойствие.

– Великодушное предложение. Но не трать чернила, дядя, – усмехнулся я. Покосился на нотариуса и добавил: – Какие документы нужно подписать?..

Целую минуту царила тишина, а затем Нолан преувеличенно аккуратно спрятал книжку и перо, поднялся и, посмотрев мне в глаза, ровно произнес:

– Ты совершил ошибку.

– Людям свойственно, – бросил я через плечо, – ошибаться.

– Но ты не сознаешь последствий, – дядя запнулся и провел рукавом по губам – всякий раз, когда он злился, изо рта щедро брызгала слюна, – в следующий раз договариваться не стану.

– Угрожаешь?..

– Предупреждаю. И забочусь. Думаешь, долго пробудешь лордом, мальчишка? Ноша не по тебе. Хребет треснет. Съедят другие владетели, костей не оставят.

– Я попробую.

В глазах Нолана полыхнуло бешенство. Но рассудив, что спорить бессмысленно, он развернулся и направился к выходу. С прямой спиной, сжатыми кулаками. За ним потянулось семейство. Со вздохом облегчения удалился Реган, Рэйчил послала виноватый взгляд и тоже ушла.

– Мы этого так не оставим, – напоследок бросила Орния. Взяла Лиадан под руку и вместе со старшей дочерью покинула кабинет.

– Если позволите высказать мнение, вы верно совершили ошибку, – спустя несколько минут рискнул нарушить звенящую тишину нотариус.

– Следовало согласиться? – хмыкнул я.

– Именно, – кивнул законник, вновь протирая лицо и лысину платком. – От имущества дома остался лишь грот. Но вместе с бумагами о наследовании придется подписать долговые расписки.

– У вас найдется ручка?..

– Да… а… кгм… решились? Тогда учтите, рассрочка – максимум год. Пропустите платеж, не найдете суммы, и центральный банк Тары отберет имение. А без грота вы потеряете титул. Таков закон.

Вот та лазейка, на которую надеется дядя. Ведь я не выгляжу состоятельным человеком. В его глазах я нахальный глупец, то ли по прихоти, то ли из дурацких моральных соображений решивший принять наследство.

Что ж, Нолан будет разочарован.

– И каков долг? – небрежно спросил я.

– Порядка пяти миллионов эаров.

– Простите?

Собственный голос показался скрипучим и мертвым, будто у одержимого из страшных сказок. Но судя по лицу нотариуса, тот ничего не заметил. Подумал, что я желаю уточнить, пожал плечами и сказал:

– Четыре миллиона девятьсот двадцать семь тысяч. Год назад вышел льготный срок погашения обязательств, и банк провел перерасчет. На изначальную сумму накинули большие проценты, наложили штрафы. Но гроты Старших домов нельзя продавать на аукционах без решения Совета. Иначе б давно пустили с молотка.

Дьявол!

Сердце замерло, тяжело застучало, с трудом разгоняя разом загустевшую кровь. По моим сведениям долг был немаленьким, но в разы ниже названной цифры. Старую сумму мог бы осилить, но такую… С языка чуть не сорвались проклятия, я закусил губу и глубоко вдохнул. Пути назад нет. Отступившая вроде боль вернулась и настойчиво колола виски, а свет настольной лампы пульсировал, резал глаза. Те-

ни как живые метались по комнате, смотрели на меня пристально из углов, с потолка, из складок чужой одежды и тихо шептали: «Скорей. Иди. Возвращайся».

Что будет, если проигнорирую зов? Сойду с ума? Умру?..

Очаровательный выбор – между плохим и очень плохим. Между кабалой и безумием. Но первое дает призрачный шанс, что выкручусь.

– Я подпишу бумаги.

– Минутку. Нужно вызвать представителя банка.

Юрист засуетился, выскочил за дверь. И пока он с кем-то говорил, подошла мать. Окинула пристальным взглядом и спросила совсем не то, что я ожидал:

– Что ты творишь, Орм?..

– То, – ответил я, сглотнув тугой комок, – что должен.

Вагон заскрипел и жалобно задребезжал, накренился. Лампочки под потолком вспыхнули настолько ярко, что резануло глаза. Желтые блики пробежались по бронзовым поручням, пузатым баллонам, штуцерам и вентилям аварийной подачи воздуха, элементам отделки в виде мифических зверей на стенах.

Из мрака выступили лица попутчиков – бледные, искаженные. Нервный парень-клерк в строгом костюме из валяной шерсти пещерного паука, чопорная дама лет пятидесяти со сварливо поджатыми губами, скучающий гвард, затянутый в резину и металл легкого боевого скафа, высушен-

ный аскезой монах со скорбным взглядом, школяры с огромными ранцами за спинами. В дальнем углу обреталась парочка болгов, низкорослых и массивных, похожих на связки шаров в своих чудовищно раздутых компрессионных костюмах. Силуэты – гротескные, странные, как росчерки тушью или углем наброски живых существ, окутанные густой смесью тяжелых ароматов: смеси металла, йода, дешевых духов, едкого пота, – скука и безразличие, редкие вспышки любопытства и шального веселья.

Поймав себя на том, что эмпатия слишком уж обострилась, я фыркнул под нос и отвернулся к толстому иллюминатору. Такое иногда случалось, дар и проклятие выходили из-под контроля в периоды усталости, после эмоционального напряжения.

Чтобы успеть к сроку официального признания смерти отца, я за два дня добрался от Западного пограничья до Тары. Собственной субмариной воспользоваться не смог, так как сдуру сдал ее в аренду за месяц до этого: тогда я в точности не знал дату оглашения имени наследника дома. Вот и получилось, что, когда пришла весть от Фергюса, оказался без средства передвижения. Но перед трудностями не отступил, купил билет на почтовый корабль. Затем пересел на пассажирский и лишь у одного из ближних аванпостов Барьера перепрыгнул на донный экспресс. Ну и как водится, попал на кульминацию спектакля, стал главным героем.

Чужие эмоции я начинал чувствовать и при ослабевании

оков. На всякий случай стоило попросить Старика поработать с татуировками, а то церковные ищейки начнут проявлять нездоровый интерес.

Мысль мелькнула юркой рыбкой и исчезла. Трамвай вырвался из тьмы узкого тоннеля, за мутным от времени и грязи стеклом вспыхнули огни центрального уровня. Гигантские прямоугольные колонны-здания, пронзающие огромный грот и подпирающие потолок. Миллионы окон-глаз: желтых и белых, алых и синих, подслеповатых и ярких. Мосты и эстакады, переходы, подсвеченные прожекторами. Силуэты каменных ангелов на висячих площадках, скрывающиеся в густых облаках пара и дыма. Связки труб и кабелей, тянущиеся вдоль домов, ползущие по стенам, опутывающие все и вся. И внизу, и вверху огоньки фар и фонарей, непрекращающееся движение существ и механизмов, словно мутная вода, заполненная светящимися моллюсками.

Давно сгинувшие строители хотели придать району величие, сотворить кусочек прошлого из обнаруженного в толще Барьера гигантского грота – иллюзию бескрайнего пространства, неба и обычного города, с улицами и домами, проспектами, садами и парками, – того, что было до Исхода. «Днем» под потолком ярко горели прожектора, заливая пещеру ярким золотистым светом, «ночью» фонари тускнели и превращались в звезды. Вентиляция создавала искусственный ветер, который ласково шуршал листвой живых деревьев, купленных у дома Лета за баснословные деньги. По бульварам

прохаживались элегантные дамы и господа, сидели в дорогих кафе, повсюду звучала ненавязчивая музыка, прислуживали расторопные официанты в белоснежных рубашках, у фонтанов играли дети.

Да, поначалу район так и выглядел. Красиво. Нерационально и опасно с точки зрения безопасности. Ведь достаточно одной глубокой пробоины в теле Барьера, и спастись можно будет лишь в зданиях, и то не в каждом. Но красиво.

Я видел старые фото и картины, находил описания в записях очевидцев. Но теперь многое изменилось. Прошедшие годы не пощадили уровень. Население Тары росло, пространство сокращалось. Колонны-здания достраивали, стремясь увеличить жилую площадь, параллельно опутывали их коммуникациями: трубами, кабелями, трамвайными рельсами, мостами, переходами. И чем сложнее становилась структура, тем труднее за ней было следить, чаще случались аварии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.